

Похищенные украинские дети - «Русские используют детей как оружие против Украины»

Ангелина из села Окныно в оккупированной Россией Луганской области увидела своего старшего сына Виктора, которому исполнилось 12 лет, всего через полтора года после начала российского вторжения. Виктор — один из детей, похищенных Россией у родителей, и один из немногих, кто вернулся домой из плена.

Ангелина работала поваром в армии. Она заключила контракт с Вооруженными силами Украины в 2016 году и служила в 92-й отдельной механизированной бригаде «Холодный Яр». До 24 февраля 2022 года ее сын жил с матерью Ангелины, Оксаной, в сельской местности. 92-я бригада дислоцировалась в Харьковской области, примерно в 250 км от Окныно. Ангелина навещала сына дважды в месяц — всякий раз, когда у нее были свободные выходные или отпуск.

«Подождите, пока мы выгоним захватчиков». Она узнала о войне утром 24 февраля из новостей. Только на следующий день, 25 февраля, ей удалось связаться с семьей. «Я успела сказать им, что какое-то время не буду выходить на связь, и последнее, что я услышала, была от матери: „Дочь, здесь танки“. Я спросила: „Чьи танки?“ А она ответила: „Подумай об этом“. И на этом разговор закончился», — рассказывает Ангелина. Позже её мать три дня провела в подвале [„подвал“ — это импровизированные тюрьмы на оккупированных Россией территориях, прим. переводчика], потому что бабушка выдала оккупантам, что её внучка служит в армии.

За всё время, пока её семья жила под оккупацией, Ангелина разговаривала с ними по телефону всего несколько раз. Разговоры длились не более минуты-двух. Виктор всё время спрашивал, когда его заберёт мать.

Ребёнок сильно изменился; Он стал совсем другим, чем раньше. Мы до сих пор привыкаем друг к другу.

Ангелина говорит, что всегда хотела вернуть своего ребенка из зоны оккупации. Но она не знала, к кому обратиться за помощью. «Я спросила своего руководителя, но чем он мог мне помочь? Он просто пожал плечами, и на этом все. Подождите, сказал он, пока мы не выгоним захватчиков. Некоторые волонтеры обещали забрать членов моей семьи, но не из Луганской области, где они находились, а только из Херсонской. Другие сказали, что помогут, но до сих пор не связались со мной. Только мой психолог, Лолита, действительно помогла: она дала мне ссылку на группу в Facebook для внутренне перемещенных лиц», — рассказывает Ангелина.

Проект «Путь домой» (шлях додому) осуществлялся Украинской сетью по защите прав детей в сотрудничестве с международной гуманитарной организацией «Спасите детей в Украине». Цель проекта — найти и репатриировать детей, вывезенных в Россию или в районы, не контролируемые украинским правительством. Организация также занимается воссоединением семей, чьи дети остались без родителей на оккупированных территориях.

После подачи заявления Ангелина получила звонок от Анастасии, руководителя проекта, и ей пришлось ответить на несколько вопросов, в первую очередь, о наличии у её ребёнка российских документов, удостоверяющих личность. «Только потом я узнала, что моя мать не только выдала российское свидетельство о рождении моему сыну, но и официально лишила меня родительских прав. Я до сих пор не понимаю, зачем она это сделала. Она убеждена, что это было необходимо. Она попросила меня забрать сына самой, сказав, что ей обещали, что я заберу его без проблем. А я очень хотела поехать, хотя в то время была беременна вторым ребёнком. Но мой начальник строго запретил это: меня бы точно немедленно заключили в тюрьму на оккупированной территории из-за моей военной службы», — объясняет женщина.

В общей сложности репатриация Виктора заняла шесть месяцев. Ангелина не предоставляет конкретных подробностей процесса, поскольку сотрудники организации продолжают использовать аналогичные методы для репатриации детей из России и оккупированных территорий. Известно лишь, что Виктор и его бабушка путешествовали через российский город Белгород. Ангелина встретила с ними обоими впервые в сентябре.

«Ребенок сильно изменился; он стал совсем другим, чем раньше. Мы до сих пор привыкаем друг к другу. В первые несколько месяцев сын постоянно обвинял меня в том, что я бросила его и пошла в армию. Моя мать тоже вернулась совсем другим человеком. У меня сложилось впечатление, что ей там основательно промыли мозги. Я постоянно объясняю сыну, что без украинской армии мы бы остались бездомными в нашей деревне. Наш дом там был полностью разрушен. Сын ничего не рассказывает мне об оккупации, и я тоже ничего у него не спрашиваю, потому что не хочу его обидеть. Он только сказал, что скучает по другу. Но недавно этого друга тоже вывезли из оккупированной Луганской области. Скоро мы навестим его в Николаевской области», — говорит Ангелина.

В настоящее время российской стороне требуется от двух до четырех месяцев, чтобы даже ответить на запрос. И время работает против нас, потому что дети растут».

...В настоящее время семья проживает недалеко от Днепра. У Ангелины есть сын от второго брака с военнослужащим. Ее муж на войне, и она одна воспитывает двоих детей.

Дарья Касьянова, председатель Украинской сети по защите прав детей, сообщила изданию «ЯДУ», что репатриация депортированных из России украинских детей и тех, кто остался на оккупированных территориях, значительно замедлилась. Точная процедура репатриации детей в настоящее время не разглашается по соображениям безопасности. Известно, что Россия саботирует процесс и требует «огромное количество документов». Кроме того, посредников, которые забирают возвращаемых детей, заставляют принимать российское гражданство. В общей сложности организация, которую представляет Дарья, репатриировала 143 ребенка. «В настоящее время российской стороне требуется от двух до четырех месяцев, чтобы даже ответить на запрос. И время работает против нас, потому что дети растут. Русские используют их как оружие против Украины и эксплуатируют в пропагандистских целях». Они говорят: «Смотрите, мы возвращаем детей в Украину» или «Смотрите, как мы их защищаем». Но это принудительные эвакуации и депортации. Бывают случаи незаконного принудительного усыновления. И это несмотря на то, что в российских детских домах и интернатах много брошенных российских детей», — говорит Дарья.

Большинство похищенных детей потеряли свои семьи, продолжает Дарья. Одна семья, например, пыталась покинуть Мариуполь или Волноваху и либо попала под обстрел, либо подорвалась на mine. Родители погибли, а ребенка отвезли в больницу на оккупированной

территории. И так он остается один. «Но вполне может быть бабушка или тетя в Черниговской области, которые не знают, что случилось. Ребенка сейчас помещают в приемную семью в России. Такие случаи довольно распространены. Или это дети захваченных украинских военнослужащих. Дети и их бабушки и дедушки остались в оккупированной зоне, а последние вынуждены временно находиться под опекой по российскому законодательству». Русские запугивают их: «Вам больше нельзя уходить с ребенком, потому что его у вас отберут по дороге». И бабушки с дедушками боятся. Такое тоже случается очень часто», — говорит Дарья.

В последнее время россияне прибегли к новой тактике.

По словам Дмитрия Любинец, омбудсмена Украины, с 2014 года Россия похитила 19 546 детей [российская сторона утверждает, что «приняла» 700 000 детей, большинство из которых якобы сопровождалось родителями или другими родственниками. Прим. ред.]. Всё началось с аннексии Крыма и так называемого «Поезда надежды» — программы, позволявшей любой российской семье поехать в Крым, выбрать украинского ребёнка из детского дома, усыновить его и забрать обратно в Россию. Это было нарушением международного гуманитарного права. Однако большинство детей были депортированы только после крупного российского наступления. К началу декабря 2023 года Украине удалось репатриировать 522 ребёнка. Любинец также отмечает, что этот процесс значительно замедлился. Он говорит, что Россия отказывается предоставлять какую-либо информацию о похищенных украинских детях ни напрямую властям в Киеве, ни через международные организации.

В последнее время россияне прибегли к новой тактике: сначала детей вывозят в Беларусь, а затем уже в Россию. «Возможно, Россия хочет частично возложить на Беларусь ответственность за депортацию детей. Или это новый инструмент, призванный помешать нам доказать, что Россия депортирует украинских детей. Это затрудняет нам официальное подтверждение депортации», — говорит Любинец. По его словам, Российская Федерация сейчас проводит стратегию практически полного отсутствия депортации. Международные договоры и конвенции для россиян — всего лишь клочок бумаги, который они игнорируют. А украинская сторона не знает, как преодолеть это препятствие. Киев обращается за помощью к третьим странам, таким как Турция и Катар. Благодаря Катару было возвращено более десяти детей. Любинец не приводит никаких подробностей о том, как это работает. Существует также множество других международных инициатив, но никаких подробностей об их методах нет. «Я понимаю, что число пострадавших детей будет продолжать расти, потому что Россия продолжает похищать детей; новые списки составляются каждый день. Это очередной геноцид против украинского народа, и мы будем требовать создания отдельного трибунала по этому делу», — заключил Любинец.